

Санни Дэй

Теодор Шницель женится

Санни Дэй

Теодор Шницель женится

«Автор»

2026

Дэй С.

Теодор Шницель женится / С. Дэй — «Автор», 2026

«Один мой старый приятель, мопс по имени Теодор Шницель, как-то раз имел неосторожность влюбиться. Всё бы ничего, но, помимо неосторожности влюбиться, он имел ещё и глупость сделать девушке предложение», – так начинается рассказ о многострадальном Теодоре, волею рока связавшем свою жизнь с недостойной собачкой Мими. Сколько кругов ада предстоит ему пройти, а также почему слово «оборзела» как никакое другое подходит для характеристики поведения леди Шницель – рассказывать, конечно же, не буду, открывайте книгу и читайте сами. Этот рассказ – ироничная пародия на современные реалии, но исполненная в декорациях викторианской эпохи. Он подойдёт тем, кому по душе гротеск, и тем, кто не воспринимает собачьи драмы слишком серьёзно. А если вам понравится (в чём все хвостатые герои ни капли не сомневаются), то имейте в виду, что в сборнике «Джентльпёсий клуб «Без поводка» имеются и другие рассказы, которые с нетерпением ждут вашего внимания.

© Дэй С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
I	6
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Санни Дэй

Теодор Шницель женится

Предисловие

Автор этого рассказа считает нужным предупредить, что все шутки, адресованные внешности собак породы китайская хохлатая (как впрочем, и других пород, упоминающихся в рассказе), призваны высмеять лишь человеческие пороки. Сами по себе все собаки прекрасны и служат для автора источником неиссякаемого вдохновения.

I

– А теперь слушайте очень внимательно, мистер Сарделькингс... Что? Ах да, вы же поменили фамилию! Мистер Дженнингс! – так начал свой рассказ мистер О'Рявк, бигль и одновременно с этим председатель джентльпёсского клуба «Без поводка». – Итак, мистер Дженнингс, слушайте меня очень внимательно. Эта история поведает вам, а заодно и всем остальным джентльпсам, о том, к каким в высшей степени трагическим последствиям может привести такое, казалось бы, нехитрое дело, как женитьба. Ибо женитьба – это зло! Я утверждал это всю свою жизнь и не устану утверждать никогда! О, прошу вас, господа, если кому-нибудь из вас – или, не дай бог, всем вам – когда-нибудь, как и мистеру Сардель... то есть мистеру Дженнингсу, взбредёт в голову расстаться со своей безоблачной холостяцкой жизнью и отправиться в тюремное заточение, именуемое браком, – вспомните мой рассказ! Вспомните его, и пусть мысли ваши прояснятся, и вы ещё раз хорошенько подумаете: а нужна ли вам она – жена?

Мистер О'Рявк обвёл присутствовавших строгим взглядом: все собравшиеся здесь сегодня джентльпсы слушали и впрямь очень внимательно. Мистер Дженнингс – довольно приятной, весьма упитанной наружности такса, для которого этот назидательный рассказ и затевался, – даже переминался с лапки на лапку. Видно было, как он нервничает.

– Итак, приступим.

Один мой старый приятель, мопс по имени Теодор Шницель, как-то раз имел неосторожность влюбиться. Всё бы ничего, но, помимо неосторожности влюбиться, он имел ещё и глупость сделать девушке предложение, на каковое она, разумеется, будучи далеко не душой, тотчас же согласилась.

«Будучи далеко не душой» – я сказал так, потому что какая же собака отказалась бы стать миссис Шницель, если, став миссис Шницель, она одновременно с самим мистером Шницелем получала и все земли, которыми владел его пребогатенький хозяин, и огромное поместье посреди этих земель. Да, и не забудьте ещё особняк в Лондоне, в самом респектабельном районе, в котором Теодор Шницель с хозяином проводили зимы.

Сама же избранница моего приятеля Теодора была, ну, скажем так, не богата. Не богата, да... Совсем не богата, если уж быть честным. Хотя зачем же скрывать и приукрашивать, говорю как есть: она была бедна, как разорившаяся нищенка, как захудалая босячка, как вылетевшая в трубу оборванка. Вот так! Но это, к сожалению, выяснилось позднее. А в тот момент, когда Теодор впервые увидел её, – кстати, нашу героиню зовут мадемуазель Мими, – она выглядела, как ему показалось, совершенно богато, даже роскошно, утонченно-аристократично и просто слапсшибательно.

Хозяйка Мими – последний листочек на обедневшей ветви старинного французского рода, – мадам де Ла Моль – была вынуждена недавно переехать из восхитительного во всех отношениях Парижа в «эту английскую глухомань» и «к чёрту на рога», как она называла ту живописную деревушку, в которую каждое лето приезжал Теодор Шницель со своим хозяином, и которая отныне стала её новым домом.

Сама мадам де Ла Моль, как я уже сказал, была беднячкой, однако гонор у неё был не меньше, чем у её блистательных предков – сплошь маркизов, баронов, шевалье всех сортов и пошибов, чистокровных герцогов, благороднейших графов... и так далее, и тому подобное. Да к тому же она была до крайности ленива и палец о палец не хотела ударить для того, чтобы поддерживать в своей жизни хоть какой-то порядок. Дом её был обставлен старинной мебелью, привезённой из родового поместья, но с потолка и со стен сыпалась штукатурка, а на полу клубилась пыль; окна обрамляли богатые шторы и тюли, но щеколды были сломаны, а на стёклах кое-где красовались трещины; обед ей подавали в серебряной посуде, с канделябрами и скатертью из тончайшего льна, но серебро потемнело, лён местами протёрся, а обед чаще

всего состоял из морковки или горошка и пустой луковой похлёбки; на ногах мадам красовались изящные туфельки или ботиночки, платья и блузки украшали роскошные алансонские кружева, но чулки и носки были с дырками, платья обветшали, а сами кружева пожелтели от времени. Зато она важно вышагивала по комнатам или по улицам «этой глухомани» и рассказывала всем, кто попадался ей на пути, как великолепно она жила раньше, да какими знатными были её предки, да как она танцевала на балах и «болтала о том о сём» с премьер-министром и премьер-министершей, когда те приглашали её домой на чашечку кофе с круассаном или с бриошью.

С мадам де Ла Моль жила только её собачка, вышеупомянутая Мими, и сиротка-служанка. Вторую она загоняла так, как не гоняла Золушку злая мачеха, а первую просто обожала. Второй она не платила жалованье вот уже года полтора-два, обрекая бедную девушку на частые голодовки, а первой отдавала все лакомые кусочки, которые ей удавалось раздобыть, нередко при этом влезая в долги и наживая себе врагов среди местных лавочников. Вторую ей пришлось взять к себе ещё маленькой девочкой, потому как, не возьми тогда мадам сиротку к себе, все соседи и знакомые осудили бы её за жестокость. А первую, Мими, она взяла, потому что её подарила ей сама жена президента, что являлось знаком особого расположения, а следовательно, предметом гордости.

Теперь, наконец, перейдём к самоё Мими.

Один, по всей видимости, приворожённый какой-то Мими-подобной собакой, Поэт – то ли Гавбайрон, то ли Гавгарди... А может, это был и сам великий Шекспирявк? Не знаю, я плохо разбираюсь в поэзии, – воспел её породу в следующих виршах:

«Без шерсти рождена,
Лишь голова лохматая.
Для всех звалась она
Китайская хохлатая.»

Хотя тут следует заметить, что Поэт слегка принизил красоту китайско-хохлатой породы, а следовательно, и Мими: не только голова была у неё лохматой, но ещё и хвост, и стройные лапки – начиная с коленок и заканчивая пятками. На остальную же фигуру теодоровой избранницы у природы шерсти не хватило: она была попросту лысой. Подводя итог, скажу так: общий вид у Мими был, если говорить языком прозы, а не поэзии, довольно плешивый и облезлый.

Однако же послушаем ещё немного Поэта:

«И песня на устах,
И в голове признание:
О, будь моей женой!
Любовь моя неожиданная...»

Перечитывая эти строки, мой приятель Теодор обычно в сладостном смятении откладывал книгу в сторону и выходил в поле: душа его требовала зрелища звёздного неба и прохладного бриза на разгорячённом лбу. Как вы уже поняли, он был очень чувствителен и романтичен, без промедления откликнулся на зов красоты и безоговорочно верил Поэту – знатоку красоты. Поэтому, узрев впервые Мими – ту самую, неземную, небесно-прекрасную китайскую хохлатую, стихи о которой всегда производили на него такое сильное впечатление и появления которой он так долго ждал, – Теодор Шницель сам охотно пошёл грудью на стрелу Амура: он решил в тот же день и час сделать ей предложение.

Ах да, я забыл сказать, что Мими очаровывала не только своей природной красотой. Для создания совершенного образа трудилась и сама мадам де Ла Моль: она подкручивала волосы

Мими, стараясь превратить их в прелестные локоны, ярко подкрашивала ей ресницы тушью – чтобы глаза было видно издалека, и щедро румянила щёчки – чтобы подчеркнуть свежесть. Но если к этому добавить обычную лень мадам де Ла Моль, то получалось, что причёску она делала на спутанные и невымытые лохмы своей любимицы, заселённые блохами уже в седьмом поколении; ресницы подкрашивала, не обращая внимания на то, что на мордочке красовались остатки позавчерашней каши; а румяна наносила, в упор не замечая ни пыли, ни грязи не только на самих щёчках, но и на всей остальной Мимише (так она её ласково называла).

Вот такая получалась Мими – глаз не оторвать.

Но оторвать глаза, если честно, очень хотелось. Обычно, встречая Мими на улице, прохожие старались оторвать от неё глаза как можно скорее и пройти мимо, не забыв перекреститься. Дети плакали, беременных женщин предупреждали заранее о её появлении, а мужчины, у которых был свой бизнес, считали встречу с ней дурным знаком: либо задержится поставка товаров, либо акции на бирже упадут, либо саранча пожрёт урожай – смотря у кого какой род деятельности.

Но я отвлёкся. Давайте же вернёмся к сути дела.

Итак, предложение.

Теодор Шницель, мопс хоть и благородный, был, однако же, не первой молодости (на момент встречи с Мими ему минуло десять лет), да к тому же весьма жирен. Буженинка, грудинка, маринованные рёбрышки, сардельки и шпикачки, свиная рулька и прочие вкусности сделали своё дело: мистер Шницель обрюзг и растолстел. И, конечно, он прекрасно понимал, что представляет собой не принца из сказки, а скорее его дядюшку-обжору, и что на самом деле надежды жениться на такой изящной собачке, как мадемуазель Мими, весьма призрачны.

Но всё же он был мужествен и решителен (в юности ему довелось проезжать мимо местности, в которой проходило сражение с вражеской армией, – правда, на ручках у своего хозяина и спустя сутки после этого самого сражения, да и, честно говоря, закрыв глаза лапами, – однако этого оказалось предостаточно, чтобы он потом всю жизнь считал себя ветераном боевых действий и вообще псом не робкого десятка). Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, даже не успев поздороваться с Мими, даже не узнав её имени и даже не представившись сам, а только-только встретив её в первый раз в жизни и поняв молниеносно, что перед ним – китайская хохлатая мечта, он начал опускаться на колено.

Этого сделать, однако, не удалось: суставы были уже не те. Колено толком не гнулось, живот сразу заваливал его куда-то на бок, едва только одна лапа из четырёх переставала поддерживать круглое тельце как надо, а тучный двойной подбородок мешал повернуть голову и разглядеть, что там вообще происходит с лапами и со всем остальным и можно ли как-то исправить ситуацию.

Наконец он сдался и, тяжело сопя, выпрямился. Мими же всё это время с интересом разглядывала странного толстячка-мопса, который шёл-шёл мимо, а потом вдруг резко остановился, вытаращил на неё глаза и начал зачем-то корчиться и извиваться, как будто из него полезли демоны при виде её ангельского лика. В наличии ангельского лика у себя Мими, конечно, не сомневалась – ей это с детства внушала мадам де Ла Моль.

Теодор, ещё не в силах произнести ни слова от одышки, благоговейно протянул к ней лапу, а потом приложил эту лапу к своему неистово бьющемуся сердцу.

– Вы плохо себя чувствуете, мсье? Врача позвать? – приподняв бровь, спросила его мадемуазель Мими.

Теодор покачал головой:

– Мою лапу и сердце! – хрипло проговорил он. – Мою лапу и сердце предлагаю я вам, о прекрасная леди! – Теодор торжественно поклонился, отчего снова стал заваливаться, но уже вперёд.

Мими своей лапкой придержала его и вернула в правильное положение.

– Замуж, что ли, зовёте? – она сощурилась. – Ну ещё чего! Какой-то проходимец-мопс думает, что... Вы вообще кто такой? А?

Теодор не смутился и быстро сказал:

– Прошу меня простить, о Прекрасная! Моё имя – Теодор Шницель, и я из... – он указал лапой в сторону: там, позолоченное закатным солнцем, высилось величественное родовое поместье его хозяина – Шницель-хаус.

– Из Шницель-хауса! – не дала ему договорить Мими. Глаза её заблестели и нервно забегали. Она поправила причёску изящным движением лапки. – А поля, которые окружают поместье, тоже принадлежат вам? Я имею в виду, принадлежат вашему хозяину?

– Да, все поля принадлежат моему хозяину... и мне. Мне тоже принадлежат. – Этим «мне тоже принадлежат» Теодор хотел сделать акцент на том, что он всё-таки тоже имеет вес в доме.

Мими очаровательно подкрутила локон.

– А вон те леса, которые за полями, тоже принадлежат вашему хозяину? – слегка дрожащим голосом спросила она.

– Да-да, о Прекрасная, и леса тоже принадлежат... мне. – Теодор определился с тактикой.

– И соседняя деревня за лесом тоже принадлежит вашему хозяину? – Мими, обворотно порхая подкрашенными ресницами, перевела взгляд с дали, в которой скрывалась соседняя деревня, на «милого мопсика», как она решила называть Теодора отныне и впредь.

– Н-нет... Соседняя деревня не моя, но... – Теодор растерялся, однако же быстро нашёлся. – Зато у меня есть особняк в Лондоне. Да, особняк. Преогромный особняк с садом! – Он развёл лапами, показывая, какой особняк с садом имеется у него в Лондоне. – И счёт в банке есть. Также преогромный, – быстро добавил он, чтобы окончательно сразить О-Прекрасную.

– А королю вы были представлены? – Теперь уже у Мими охрип голос. Король, королевский двор, богатство и роскошь – это была её мечта. «Вот бы попасть в высший свет и стать, ну, например, фрейлиной королевы!» – думала она. – «И кажется, у меня как раз появился шанс!»

Мими, не моргая, смотрела на свой Шанс.

– Ну конечно же, о прекрасная моя леди! Мы, то есть я, королю не раз был представлен! Я у него во дворце уже совсем свой! – Теодор наконец обрёл уверенность: рыбка, то есть Мими, кажется, клюнула. – Ну, знаете, прихожу без приглашения, когда захочу и на сколько захочу, играем с королём в мяч, бегаем повсюду, обнюхиваем всё вокруг. И он к нам... ко мне, то есть, тоже заходит. Чай попить, косточку... э-э... то есть пирожное погрызть, или...

– Я согласна! – прерывая Теодора Шницеля, громко прозвенели слова китайской хохлатой мадемуазель, и людям, проходившим мимо них по улице, показалось, что где-то прозвенели монетки, которые кинули в металлический лоток на прилавке в магазине. – Я выйду за вас, мой милый мопсик.

II

Вот так мой приятель Шницель и подписал себе приговор. И поверьте мне, друзья мои, и по сей день Теодор (сейчас уже вполне поправившийся от всего произошедшего, если не считать сезонного расстройства пищеварения на фоне испорченных нервов) вспоминает тот золотистый закатный час как самый чёрный в своей жизни. А ведь казалось... Да... Мне искренне жаль Теодора, ведь ему действительно только казалось!

Ну ладно. Пожалуй, я не стану рассказывать в подробностях про те торжественные мгновения, когда мадемуазель Мими де Ла Мошь стала леди Шницель. Да и нечего там рассказывать, ведь церемония бракосочетания прошла весьма скромно: без гостей, без свидетелей, без колец и даже без священника! Причём на том же самом месте и через минуту после того, как Мими сказала: «Я выйду за вас, мой милый мопсик!»

Мими торопилась. Она даже не стала заходить домой перед свадьбой, чтобы надеть фату, – не хотела, чтобы её видела хозяйка: та могла не пустить её никуда, а ей так хотелось начать новую сыто-богатую жизнь. Не стоит и упоминать о том, как восторженно прозвучали слова клятвы Теодора заботиться о ней и в горе, и в радости всю жизнь, и как, путая слова, поспешно проговорила свою клятву Мими – кажется, вместо «и в горе, и в радости» она сказала «и в золоте, и в драгоценностях». И уж, конечно, нечего говорить о том, как Теодор попытался поцеловать свою молодую жену в румяную щёчку, но та брезгливо оттолкнула его и торопливо зашагала в Шницель-хаус одна. Теперь она была там полноправной хозяйкой, и ей не терпелось осмотреть свои новые владения. Теодор же, сопя, поплёлся за ней следом.

Ах... Бедный Теодор! А ведь это было только начало!

В Шницель-хаусе их встретил дворецкий. Точнее, случайно заметил, проходя мимо, – никто ведь не ожидал, что Теодор вдруг так скоропостижно женится и вернётся с прогулки домой раньше, чем обычно, да ещё и с женой. Поэтому вместо торжественных поздравлений новобрачным он, вытаращив глаза и схватившись за сердце, прокричал с лёгкой истерикой в голосе куда-то вглубь дома:

– Мистер Шницель! Сэр! Кажется, Теодор поймал то, что таскало у нас кур из курятника! Идите скорее сюда! Зверь воистину диковинный!

В ответ на его призыв из кухни, которая находилась где-то справа, раздалось звучное: «А что я говорил, Пауэрс? Мини-Шницель ещё покажет всем нам! Вот он и показал!» – а через минуту вышел и сам мистер Шницель. Он дегустировал котлетки, которые жарились по какому-то новому рецепту, и сейчас держал в руках вилку с одной такой котлеткой, наколотой на ней. Не видя ещё диковинного зверя, а только выходя из-за угла, мистер Шницель откусил кусочек.

И вот в этот самый момент, когда он с аппетитом откусил кусочек от сочной, приятно обжигающей и дивно пахнущей котлетки, он увидел Мими. Последующие события словно сорвались с поводка – так быстры и ошеломительны они были.

Мистер Шницель поперхнулся, побагровел, схватился за горло и выпучил глаза, издавая страшные хрипы. Дворецкий Пауэрс, не теряя ни секунды, шагнул к нему и применил спасательный метод (хвала небесам, Пауэрс по первому образованию был врачом-реаниматологом). Схватив хозяина дома сзади и встряхнув с неистовой силой, он избавил его дыхательные пути от злополучного кусочка. От такого телотрясения мистер Шницель взмахнул высоко руками, отчего котлетка, сорвавшись с вилки, грациозно полетела вверх и вперёд, однако была резко остановлена прицельным прыжком Мими, широко открывшей в полёте пасть и схватившей её. Секунда – и вот уже котлетка в желудке у Мими, а она сама, хищно облизывающаяся и довольно улыбающаяся, приземляется прямо перед кухаркой, которая выбежала на звуки страшных хрипов из кухни.

– Силы небесные! – вскричала кухарка и всплеснула руками так, что фартук взлетел. – Чупакабра! Да это ж я её видела той страшной ночью! Мистер Шницель, это она вылезла из нашего дымохода, а потом сползла вниз головой по стене и растворилась в ночи! – Кухарка вопила, показывая на Мимишу пальцем. – Её видела! Её!

Но тут Теодор, который всю жизнь был кроток и ни разу ни на кого не налаял, не выдержал: на его Мими наговаривают, её оскорбляют, её, попросту говоря, втаптывают в грязь!

С глухим рычанием в адрес кухарки он приблизился к Мими и сел подле неё, свирепо гавкнув.

– Теодор говорит, что это его избранница, – перевёл дворецкий Пауэрс. По второму образованию он был лингвистом-переводчиком.

Мопс обвил своей лапой лапу Мими.

– Он говорит, что они поженились, – последовал перевод Пауэрса.

Теодор обвёл лапой комнату и затем ткнул ею в пол перед собой.

– Они будут жить здесь, – сообщил дворецкий и добавил: – Если переводить дословно: «В покоях сих остановиться на житьё с семьёй своей намереваюсь».

Теодор кивнул и, посмотрев своему хозяину, мистеру Шницелю, прямо в глаза, два раза ударил себя кулаком в грудь.

– Мистер Шницель, Теодор решительно заявляет, что он будет драться, если вы ему воспрепятствуете!

Большой Шницель (я имею в виду хозяина Шницель-хауса), сидя в кресле и ещё тяжело дыша, сказал на это:

– Ну что ж, Мини-Шницель, раз уж ты выбрал семейную жизнь, я тебе не стану препятствовать. Живите у нас! Однако я думал, что мы с тобой, старые холостяки, так и проживём всю жизнь одни, свободные, как... как котлетки в полёте! Эх... Ничего не поделаешь! Мисс Мэй, поставьте ещё один прибор на пол рядом с миской Мини-Шницеля. Мисс Джун, приготовьте леди Шницель мягкую лежанку, – обратился он затем к горничным, которые боязливо выглядывали из-за угла. Мими и на них произвела впечатление. – И не жалеите перин и подушек! – грозно добавил он. – Хоть она и страшна, как упырь, страдающий лишаём, как геенна огненная, как дополнительный урок геометрии в субботу утром, но она – леди! А значит, достойна всего самого лучшего в этом доме! Ах да, и прежде всего помойте её. Мыла и щётки тоже не жалейте.

Вот так, господа, Мими и заселилась в Шницель-хаус. Что, мистер Миникус? Да-да, так и сказала: чупакабра! Да, до такой степени... А мне и самому непонятно, но... Но, как говорится, любовь зла!

Ну так вот... Мими, значит, заползла... то есть заселилась в Шницель-хаус.

«Наконец-то зажила, как мне и подобает! – думалось ей. Эта мадемуазель, кстати говоря, обладала не меньшим гонором, чем её хозяйка, и тоже была одним из последних листочков на некогда цветущей ветви аристократического рода китайских хохлатых, привезённых недавно в Европу из Китая. В довесок к этому она, так же как и её хозяйка, была до безобразия ленива и, любя роскошную жизнь, терпеть не могла трудиться.

Что же касается Теодора, то он был просто неописуемо счастлив и не мог налюбоваться на свою жену: мечта его воплотилась, образ из стихов Поэта ожил и радовал взор. Весело сопя, он ходил за ней повсюду, куда бы она ни пошла – в доме или вне его стен, – и ничуть не расстраивался, когда она закатывала глаза, заметив его. Он срывал для неё розы с садовых кустов, не обращая внимания на острые шипы, колющие его пасть, и отдавал самые аппетитные кусочки мяса из своего жаркого, предпочитая не думать о том, что Мими сама так ни разу и не угостила его даже обглоданной косточкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.